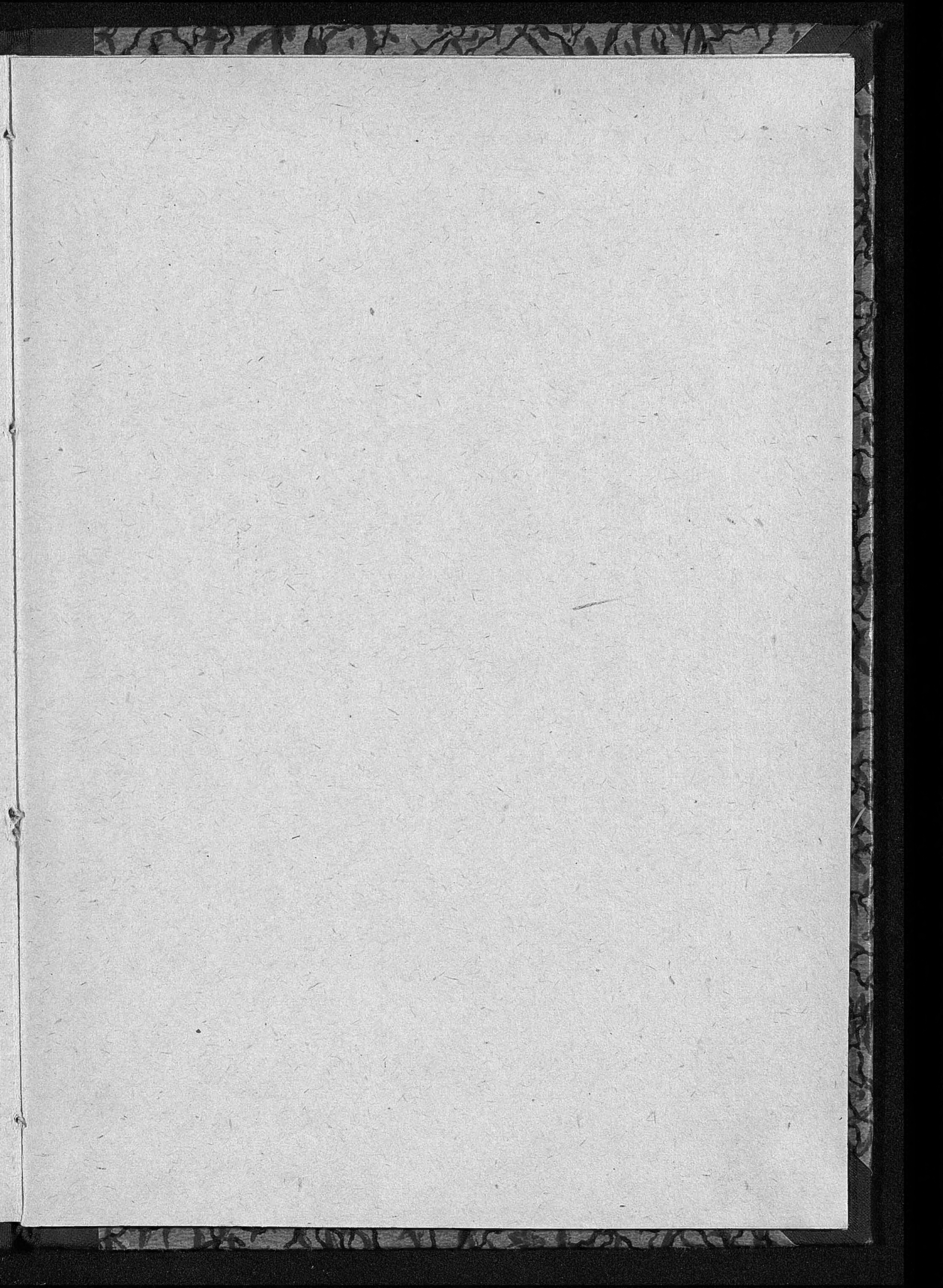

С. И. Гречушкинъ.

Изъ русской исторіи.

Въ Петербургѣ при Петрѣ Великомъ.

КАРТИНЫ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

подъ редакціей

Н. Г. Тарасова, А. Ѳ. Гартвига и С. И. Гречушкина.

Картины размѣромъ 60×45 стм. (съ полями 76×62 стм.) на паспарту изъ бристольской бумаги съ оригиналовъ, исполненныхъ **спеціально** для этого изданія художниками: **И. Я. Билибинымъ, А. М. Васнецовымъ, В. М. Кустодіевымъ, К. В. Лебедевымъ, В. Е. Маковскимъ, А. Ѳ. Максимовымъ** и **Л. О. Пастернакомъ.**

Картины имѣютъ цѣлью обрисовать экономическую, соціальную, политическую и духовную жизнь въ различные культурно-историческіе моменты.

Первая серія — 30 картинъ.

I. Приднѣпровье VII—XII вв.

1. Славянскій поселокъ.
2. Полюдье.
3. Съѣздъ князей.
4. Половецкій набѣгъ.
5. Въ монастырѣ.

II. Сѣверная Русь XIII—XV вв.

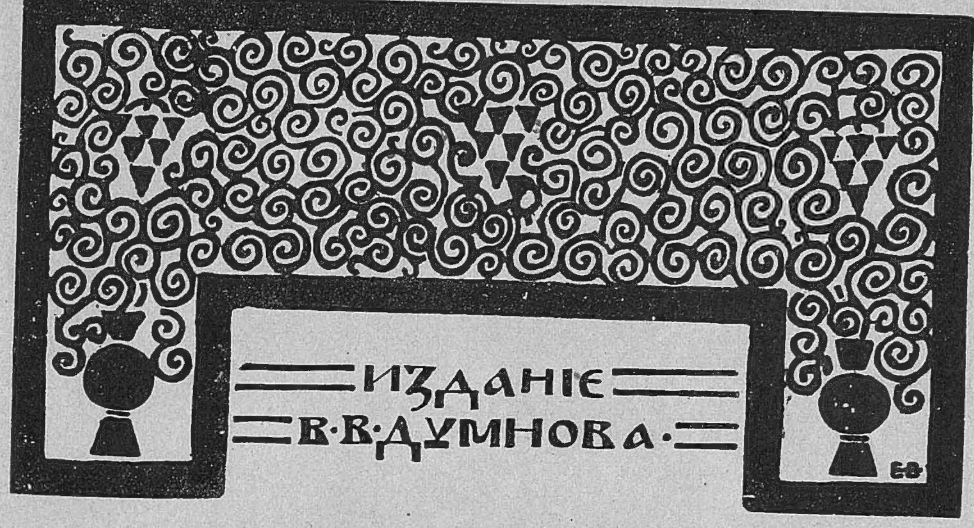
6. Въ усадьбѣ князя-вотчинника.
7. Врагъ подъ стѣнами.
8. Вѣче въ Новгородѣ Великомъ.
9. На пристани въ Новгородѣ.

III. Московское государство XVI—XVII вв.

10. Въ Московскомъ Кремлѣ.
11. На службу государеву.
12. Крестьянскій свозъ.
13. Книжное наученіе.
14. Въ теремѣ.
15. У воеводы.
16. На городской площади.
17. Въ Боярской думѣ.
18. Совѣтъ всея Руси.
19. Запорожцы.

IV. Россійская имперія XVIII—XX вв.

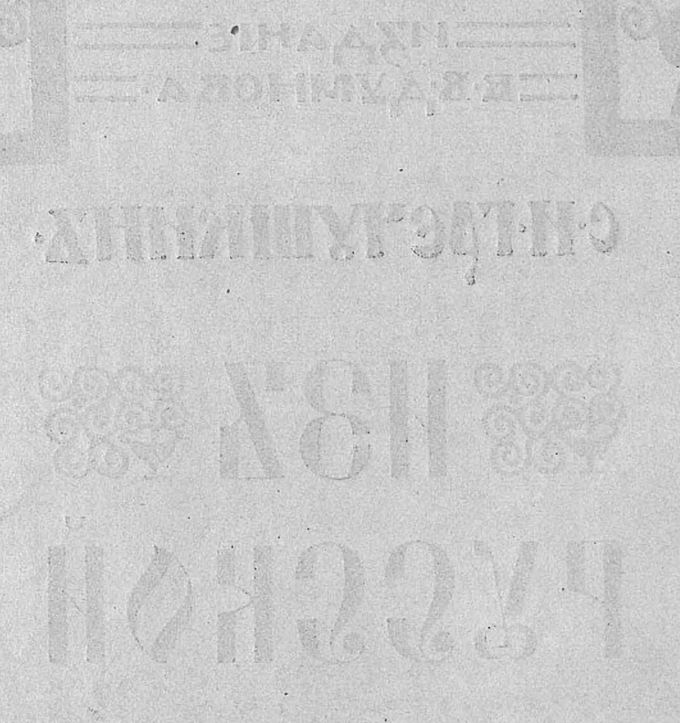
20. Ассамблея.
21. Въ Мануфактуръ-коллегіи.
22. На вѣчныхъ квартирахъ.
23. Въ Петербургѣ XVIII вѣка.
24. Въ усадьбѣ помѣщика.
25. Въ 30-хъ годахъ.
26. Дореформенный судъ.
27. На земскомъ собраніи.
28. Судъ присяжныхъ.
29. На заводѣ.
30. Въ Государственной думѣ.

С·И·ГРЕЧУШКИНЪ·

ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

Въ Петербургѣ при Петрѣ Великомъ.

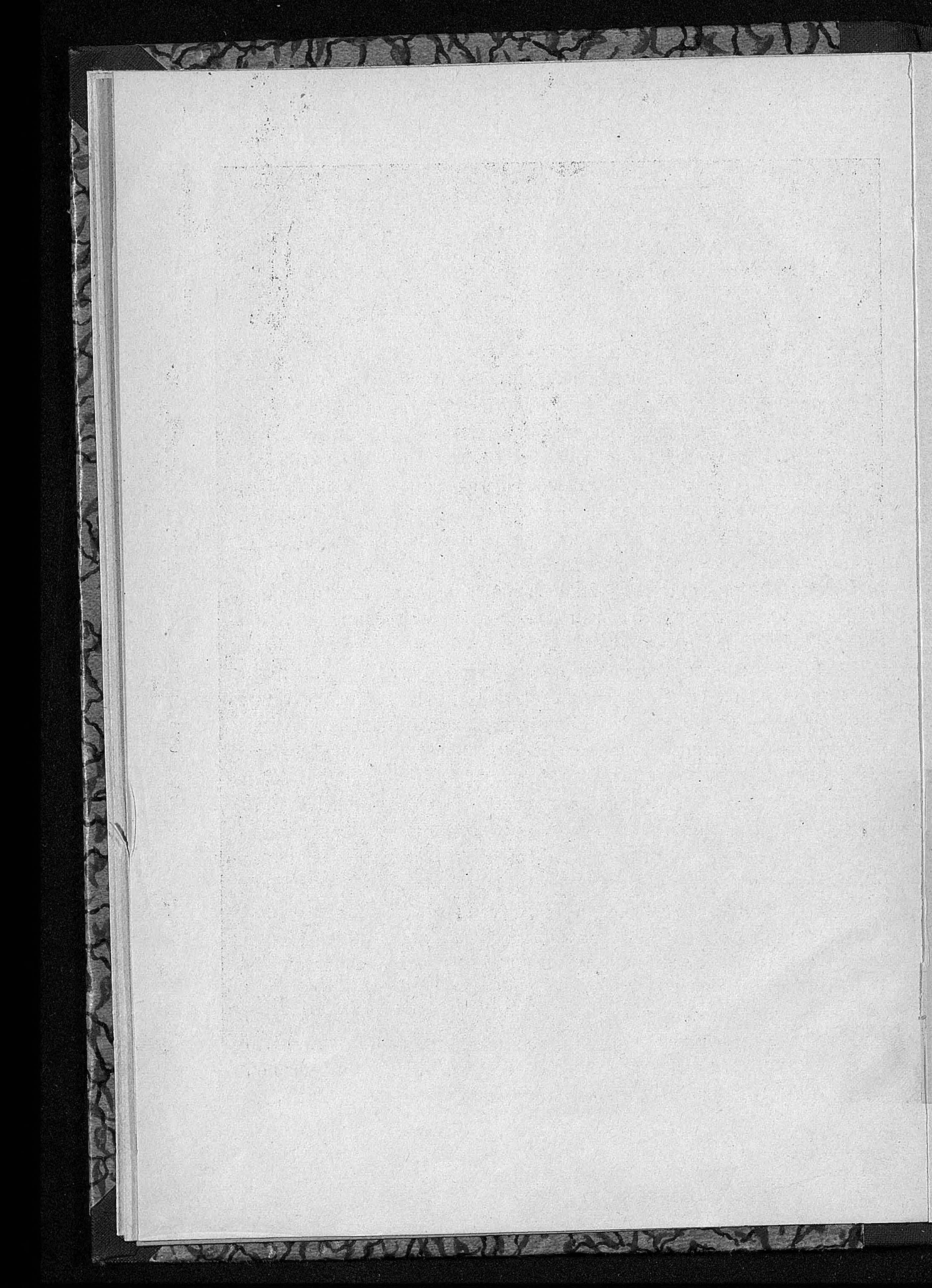

Типографія Г. Лисснера и Д. Собко.
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. 9.

Съ картины А. Ѳ. Максимова.

Въ Петербургѣ при Петрѣ Великомъ.

Въ Петербургѣ при Петрѣ Великомъ.

Мѣстность, нынѣ занимаемая Петербургомъ, имѣла историческое значенiе задолго до основанiя здѣсь города. Рѣка Нева служила путемъ, по которому новгородцы ходили въ Варяжское море. Скандинавы, греки, арабы и другiе народы также пользовались этой рѣкой, служившей сѣвернымъ конечнымъ пунктомъ великаго торговаго пути „изъ Варягъ въ Греки“. Арабскiя и персидскiя монеты VII—XI вѣковъ, найденныя при раскопкахъ около озера Ильменя и въ предѣлахъ Петербургской губернiи, даютъ основанiе предполагать, что торговые люди и далекой Азiи посѣщали земли, расположенныя по Невѣ и у Великихъ озеръ.

Значенiе Невы, какъ торговаго пути, хорошо сознавалось русскими и шведами. Съ первыхъ лѣтъ существованiя древней Руси новгородцы стремились упрочиться въ этой мѣстности, но всегда встрѣчали отпоръ со стороны шведовъ, съ которыми они вели безпрерывныя войны. Въ 1240 году новгородцы, подъ предводительствомъ князя Александра Невскаго, нанесли шведамъ сильное пораженiе при впаденiи рѣчки Усть-Ижоры въ Неву. Въ 1300 году шведы снова пытались завладѣть Невой, и имъ даже удалось поставить на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится Александро-Невская лавра, маленькiй городокъ, но черезъ годъ новгородцы разрушили этотъ городокъ до основанiя и построили на берегахъ Невы, при впаденiи въ нее рѣчки Охты, свой городъ Нiенъ, въ свою очередь разрушенный шведами. Въ 1328 г. новгородцы поставили свое укрѣпленiе при истокѣ Невы изъ Ладожскаго озера, названное ими Орѣшкомъ. Въ лѣтописяхъ упоминаются и дальнѣйшiя столкновенiя шведовъ съ новгородцами.

Мало-по-малу при устьяхъ Невы возникали селенія, о которыхъ довольно подробныя свѣдѣнія имѣются уже со второй половины XV вѣка. Въ теченіе двухсотъ лѣтъ и даже болѣе новгородцы владѣли всею мѣстностью, лежащей по обѣимъ сторонамъ Невы вплоть до Финскаго залива; мѣстность эта составляла округъ города Орѣшка. Изъ документовъ видно, что тутъ было 21 селеніе съ пахотными землями и 37 безъ нихъ. Съ паденіемъ самостоятельности Новгорода округъ города Орѣшка былъ присоединенъ къ Москвѣ и оставался въ рукахъ Московскаго государства вплоть до Смутнаго времени. Въ 1611 году шведы завладѣли устьями Невы, а по Столбовскому договору 1617 года большая часть русскихъ земель по Финскому побережью и рѣкѣ Невѣ отошла къ шведамъ, во владѣніи которыхъ и оставалась до Петра Великаго. Для упроченія своего положенія шведы въ 1632 году построили при впаденіи рѣчки Охты въ Неву, на мѣстѣ разрушеннаго ими новгородскаго городка Ніена, крѣпость и назвали ее Ніеншанцъ, возлѣ нея возникъ городъ Ніенштадтъ. Выгодное положеніе на большомъ водномъ торговомъ пути способствовало развитію этого города, около котораго въ то время много было поселковъ. Много иностранныхъ кораблей посѣщало Ніенштадтъ, и жители его вели довольно оживленную торговлю съ Западомъ. Такова краткая исторія мѣстности, гдѣ нынѣ находится наша сѣверная столица, основаніе которой стоило многихъ усилій Петру Великому.

Начало XVIII вѣка застало Россію въ разгарѣ преобразовательной дѣятельности Петра Великаго. Молодой царь уже побывалъ въ Европѣ, насмотрѣлся на тамошніе порядки, личнымъ наблюденіемъ и сравненіемъ оцѣнилъ преимущества европейскихъ знаній, научился самъ многому невѣдомому въ московской Руси и, вызванный изъ недоконченнаго путешествія извѣстіемъ о Стрѣлецкомъ бунтѣ, возвратился въ Москву съ твердымъ намѣреніемъ приступить къ пересозданію отечества по западно-европейскому образцу. Приглядываясь ко всему встрѣченному за границей, онъ неустанно соображалъ, гдѣ источникъ благоустройства и богатства западныхъ странъ,

и что нужно Россіи для быстраго развитія своихъ громадныхъ силъ. Настойчивѣе всего мысль его обращалась къ тѣмъ выгодамъ, какія даетъ государству мореплаваніе.

Еще раньше, до поѣздки за границу, Петромъ владѣла мечта о свободномъ доступѣ къ морю; она зародилась въ немъ почти въ отроческомъ возрастѣ, вмѣстѣ съ личною страстью къ плаванію по водѣ. Исканіемъ моря были вызваны походы къ Азову. Но хотя Азовъ былъ взятъ, Петръ ясно видѣлъ, что свободное пользованіе южными морями для русскихъ невозможно до тѣхъ поръ, пока не сломлено могущество турокъ, чего сдѣлать Россія была тогда не въ силахъ. И тогда мысли Петра обратились на сѣверъ, къ Балтійскому морю, къ той мѣстности, которая нѣкогда была русской областью. Вернуть эту страну, найти свободную дорогу для сношеній съ европейскими государствами — вотъ задача, которая стала передъ Петромъ.

Побѣдить Швецію, которая имѣла прекрасную армію и воинственнаго короля Карла XII, для тогдашней Россіи было невозможно. Петръ отлично это сознавалъ и потому началъ усердно искать союзниковъ. Его поиски увѣнчались успѣхомъ: Польша, Данія и Саксонія, которымъ очень не нравилось возраставшее могущество Швеціи, согласились дѣйствовать вмѣстѣ съ Россіей.

Первыя наши военныя дѣйствія, открытыя противъ шведовъ, ознаменовались крупной неудачей: молодая русская армія, еще неопытная въ военномъ дѣлѣ, была разбита шведами подъ Нарвой. Но по пословицѣ „нѣтъ худа безъ добра“ эта неудача для дальнѣйшаго хода событій имѣла большое значеніе: съ одной стороны, она практически показала Петру, чего не хватало его молодому войску, а съ другой — она внушила молодому шведскому королю слишкомъ презрительное отношеніе къ силамъ Россіи. Карлъ XII всѣ главныя силы подъ личнымъ руководствомъ направилъ противъ Польши, оставивъ въ окрестностяхъ Невы небольшіе отряды. Петръ отлично воспользовался оплошностью противника и началъ энергично собирать новыя войска для возобновленія военныхъ дѣйствій.

Сюда начали приходить новые полки, преимущественно драгунскіе, привозились пушки и мортиры; при рѣкѣ Свири усердно работала корабельная верфь, спуская на воду мелкія суда, годныя для дѣйствія на Невѣ. Въ короткое время у юго-западныхъ береговъ Ладожскаго озера было сосредоточено Петромъ до 10 тысячъ войска съ артиллеріей; была и конница, которою уже умѣли пользоваться для развѣдокъ.

При истокѣ Невы изъ Ладожскаго озера у шведовъ, на мѣстѣ стариннаго русскаго города Орѣшка, была построена крѣпость Нотебургъ, защищаемая небольшимъ гарнизономъ, но съ сильной артиллеріей; противъ этой крѣпости, служившей опорою шведскимъ силамъ на Ладожскомъ озерѣ и прикрывавшей входъ въ Неву, Петръ и направилъ ударъ. Осенью 1702 года наши отряды расположились на обоихъ берегахъ Невы и на отмеляхъ и съ разныхъ сторонъ начали бомбардировать крѣпость. Послѣ отчаяннаго сопротивленія, Нотебургъ былъ взятъ. Петръ по поводу этой побѣды писалъ: „Правда, что зѣло жестокъ сей орѣхъ былъ, однакожъ, слава Богу, счастливо разгрызенъ“. Онъ торжествовалъ, сознавая значеніе этого древняго русскаго Орѣшка, и назвалъ его Шлиссельбургомъ, т.-е. ключомъ-городомъ. Такимъ образомъ истокъ Невы находился въ русскихъ рукахъ; чтобы имѣть доступъ къ Финскому заливу, нужно было завладѣть и устьями Невы, гдѣ у шведовъ находился хорошо укрѣпленный городъ Ніеншанцъ. Разрѣшеніе этой задачи пришлось отложить, такъ какъ была уже глубокая осень, и Нева начала замерзать.

Въ апрѣлѣ 1703 года русскія войска начали громить Ніеншанцъ. Шведы не отважились ждать приступа и вступили въ переговоры, имъ разрѣшено было отступить въ Выборгъ. Новый покоренный городъ Петръ назвалъ Шлотбургомъ. Между тѣмъ шведская эскадра, не зная о сдачѣ Ніеншанца, спѣшила къ нему на помощь въ составѣ двухъ хорошо вооруженныхъ кораблей и нѣсколькихъ мелкихъ судовъ. Окрыленный удачами, Петръ, располагавшій только невооруженными лодками, рѣшился атаковать непріятельскую флотилію. И эта

смѣлая затѣя ему удалась. Съ топоромъ и ручной гранатой въ рукахъ онъ, впереди своего отряда, первый взошелъ на бортъ шведскаго корабля. Началась кровавая рукопашная схватка. Несмотря на отчаянное сопротивленіе, почти вся команда шведскихъ судовъ была перебита. Велика была радость Петра по поводу этой первой морской побѣды. Всѣмъ участникамъ предпріятія были розданы медали съ надписью „Небываемое бываетъ". Теперь вся мѣстность, занятая нынѣ Петербургомъ и его окрестностями, была въ рукахъ Петра, нужно было укрѣпляться на покоренной землѣ и водѣ.

Съ присущею своему характеру поспѣшностью Петръ тотчасъ же началъ изслѣдовать широкое Невское устье, высматривая наиболѣе удобное мѣсто для закладки крѣпости. Обезопасить крѣпостью только что пріобрѣтенный водный путь было необходимо въ виду того, что въ Выборгѣ стояли значительныя шведскія силы, а въ Финскомъ заливѣ разгуливала шведская эскадра. Такъ какъ Ніеншанцъ стоялъ на правомъ берегу Невы, то весьма естественно, что на этотъ берегъ наиболѣе обращено было вниманіе Петра; здѣсь онъ облюбовалъ одинъ изъ острововъ и указалъ на немъ мѣсто для храма во имя апостоловъ Петра и Павла. 16-го мая 1703 года приступлено было къ закладкѣ крѣпости. Въ этотъ день въ лагерѣ отслужена была литургія, послѣ чего Петръ съ большою свитою отправился на лодкахъ внизъ по Невѣ и, высадившись на островѣ, присутствовалъ при освященіи избраннаго мѣста. Послѣ молебна началась закладка крѣпости: съ заступомъ въ рукахъ Петръ подалъ знакъ къ началу землекопныхъ работъ. Когда ровъ былъ выкопанъ до глубины двухъ аршинъ, въ него поставили высѣченный изъ камня ящикъ, въ который государь опустилъ золотой ковчегъ съ частицами мощей апостола Андрея. Потомъ ящикъ накрыли каменною доской, на которой были высѣчены слѣдующія слова: „въ лѣто отъ воплощенія Іисуса Христа 1703, мая 16, основанъ царствующій градъ С.-Петербургъ великимъ государемъ царемъ и великимъ княземъ Петромъ Алексѣевичемъ"... Хотя въ приведенныхъ словахъ Петербургъ и названъ „цар-

ствующимъ градомъ", однако Петръ сначала не думалъ дѣлать его своей резиденціей; къ этой мысли онъ пришелъ постепенно.

Одна любопытная старинная рукопись передаетъ такую подробность. Когда Петръ взялся за заступъ, съ высоты спустился орелъ и парилъ надъ островомъ. Царь, отойдя въ сторону, срубилъ двѣ тонкія березки и, соединивъ ихъ верхушки, поставилъ стволы въ выкопанныя ямы. Такимъ образомъ эти двѣ березки должны были обозначать мѣсто для воротъ будущей крѣпости. Орелъ спустился и сѣлъ на березки, его сняли и отдали государю. Петръ, обрадованный счастливымъ предзнаменованіемъ, перевязалъ слегка орлу ноги платкомъ и посадилъ его къ себѣ на руку. Такъ онъ, съ орломъ въ рукѣ, сошелъ въ лодку при торжественной пушечной пальбѣ. По наведеннымъ справкамъ оказалось, что орелъ этотъ давно жилъ на островѣ; его нашли тамъ шведскіе солдаты, сторожившіе королевскіе лѣса, и сдѣлали ручнымъ. Впослѣдствіи орелъ содержался въ крѣпости, и на продовольствіе его назначено было жалованье.

Постройка крѣпости шла весьма успѣшно. Войска передвинулись къ самому Петербургу и занялись постройкой бастіоновъ; къ нимъ присоединили рабочихъ, собранныхъ изъ окрестныхъ городовъ и деревень, и такъ горячо принялись за дѣло, что къ 29 іюня 1703 года были уже готовы нѣкоторыя казармы. Для продовольствія собраннаго народа устроено было въ Новгородѣ главное провіантское управленіе, а въ Ладогѣ и Шлиссельбургѣ временные склады всякихъ запасовъ. Отпускомъ всего требуемаго завѣдывали выборные присяжные цѣловальники, исправность которыхъ обезпечивалась круговой порукой волостей. На Свири въ то же время дѣятельно строили суда, въ которыхъ съ основаніемъ Петербурга настала крайняя надобность: на взморьѣ все лѣто плавали 9 шведскихъ кораблей; не имѣя своей флотиліи, нельзя было ихъ прогнать. Петръ принималъ самое энергичное участіе какъ въ постройкѣ крѣпостныхъ сооруженій, такъ и въ постройкѣ судовъ. Онъ вихремъ носился изъ одного мѣста въ другое

и постоянно торопилъ строителей; наконецъ, на Свири была окончена постройкой цѣлая флотилія небольшихъ судовъ и одинъ довольно крупный фрегатъ. Въ октябрѣ Петръ самъ вывелъ эту флотилію въ Неву.

Теперь онъ могъ осмотрѣть Финскій заливъ, не опасаясь шведской эскадры. На шлюпкѣ, среди плавающихъ льдинъ, онъ объѣхалъ кругомъ островъ Котлинъ и убѣдился въ важности его стратегическаго значенія для только что заложеннаго Петербурга. Петръ тщательно самъ промѣрилъ глубину обоихъ фарватеровъ и выбралъ мѣсто для постройки укрѣпленій. Наблюденіе за работами на Котлинѣ царь поручилъ Меншикову, но модель укрѣпленія взялся сдѣлать самъ. Пока еще держался ледъ, перетащили сюда изъ Петербурга орудія и вооружили ими бастіоны, защищавшіе подступъ съ моря. Ранней весной слѣдующаго года закипѣла работа: рубили изъ бревенъ ряжи, нагружали ихъ камнемъ и опускали на дно. Въ апрѣлѣ все уже поспѣло, и 4 мая Петръ въ своемъ присутствіи освятилъ новую крѣпость, назвавъ ее Кроншлотомъ.

Между тѣмъ шведы, хотя и дѣйствовавшіе чрезвычайно вяло, не оставляли надежды отбить русскихъ отъ невскаго берега. Попытки оттѣснить насъ дѣлались ими съ суши и съ моря, но всегда шведы терпѣли пораженіе. Безпокойное положеніе продолжалось до іюня 1709 года, когда подъ Полтавой Карлу XII, нашедшему себѣ союзника въ лицѣ Малороссійскаго гетмана Мазепы и вздумавшему перенести мѣсто военныхъ дѣйствій на югъ Россіи, было нанесено жестокое пораженіе. Шведскій король, разбитый здѣсь наголову, бѣжалъ вмѣстѣ съ измѣнникомъ Мазепою въ Турцію. Самъ Петръ, руководившій этимъ сраженіемъ, не щадилъ своей жизни; онъ поспѣвалъ вездѣ, гдѣ наиболѣе грозила опасность; его шляпа и сѣдло были прострѣлены, а третья пуля попала ему въ грудь, но, ударившись въ большой крестъ, который Петръ всегда носилъ на груди, не причинила ему вреда. Извѣщая генералъ-адмирала Апраксина о побѣдѣ, царь писалъ: „Нынѣ уже совершенно камень въ основаніе Санктъ-Петербурга положенъ

съ помощію Божіею". Эта побѣда показала Петру, что шведы уже перестали быть грозными и опасными для Россіи.

Торжества по случаю полтавской побѣды происходили въ Москвѣ, которая все еще считалась столицею государства; но перенесеніе резиденціи въ Петербургъ было уже рѣшено въ умѣ Петра. Въ началѣ 1710 года онъ самъ туда вернулся и сталъ немедленно готовиться къ походу на Выборгъ, безъ занятія котораго не считалъ положеніе Петербурга вполнѣ безопаснымъ. Русскія войска подошли къ Выборгу по льду и, устроивъ траншеи, открыли артиллерійскій огонь. Городъ стойко держался въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ и только 13-го іюня сдался на капитуляцію. Обрадованный Петръ выразился, что „устроена крѣпкая подушка Петербургу".

Послѣ счастливаго оборота военныхъ дѣйствій, Петербургъ начинаетъ понемногу заселяться и кое-какъ застраиваться. „Понемногу и кое-какъ потому, что самому Петру некогда было въ это время заниматься вопросами заселенія и постройки новаго города: его отвлекали другія дѣла. Притомъ, какъ мы знаемъ, въ первые годы мысль объ учрежденіи здѣсь столицы еще неясно представлялась его уму. Петербургу придавалось значеніе морского порта и „окна въ Европу"; только съ теченіемъ времени созрѣло твердое намѣреніе противопоставить его, какъ новую столицу, старой Москвѣ и сдѣлать центромъ обновленной государственной и общественной жизни. Такому рѣшенію содѣйствовали съ одной стороны успѣхи въ войнѣ со шведами и завязавшіяся дѣятельныя сношенія съ иностранцами, а съ другой — личное расположеніе Петра дѣлать свое новое дѣло на новой почвѣ.

Прежде чѣмъ знакомиться съ планами Петра, какъ создателя Петербурга, посмотримъ, что представлялъ этотъ городъ передъ тѣмъ, какъ сдѣлаться столицей и резиденціей.

Изъ громаднаго пространства, на которомъ раскинулся нынѣшній Петербургъ, тогдашняя городская площадь занимала очень незначительную часть. Сплошныя постройки находились въ ближайшей къ Невскому берегу мѣстности Петербургской стороны, называвшейся тогда „Городскимъ островомъ". Тамъ

была воздвигнута крѣпость, сначала бревенчатая, потомъ каменная. Къ ней прилегало нѣсколько улицъ, застроенныхъ небольшими домами, деревянными и изрѣдка „мазанками", т.-е. наполовину кирпичными и наполовину деревянными. Набережная по обѣ стороны Петропавловской крѣпости была застроена до самой воды жалкими домишками и бараками, походившими на шалаши. На Васильевскомъ островѣ, называвшемся такъ еще и во времена Новгородскаго владѣнія этой мѣстностью, встрѣчались отдѣльныя постройки, и между ними самое большое и красивое зданіе — домъ князя Меншикова. На Выборгской сторонѣ тоже было нѣсколько рядовъ очень бѣдныхъ строеній и деревянная церковь во имя св. Сампсонія, заложенная въ 1709 году въ память Полтавской битвы. Близъ крѣпости находился деревянный соборъ во имя св. Троицы.

На лѣвомъ берегу Невы, гдѣ теперь расположенъ блестящій центръ столицы, выстроено было только зданіе адмиралтейства съ укрѣпленіями и позади него церковь св. Исаакія. Кое-какія строенія попадались разбросанными до рѣки Мойки. Вся эта часть называлась „Адмиралтейскимъ островомъ". За Мойкой шли уже лѣса, болота и пустыри. Для царскаго жилья существовали маленькій дворецъ, называемый теперь „домикомъ Петра Великаго"[1]) и принадлежавшій собственно государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, и дворецъ побольше „зимній", на мѣстѣ нынѣшняго Эрмитажа.

Такимъ образомъ весь тогдашній Петербургъ заключался почти въ одной Петербургской сторонѣ, которую надо считать

---

[1]) Онъ находится на Петербургской сторонѣ недалеко отъ Петропавловской крѣпости. Домикъ этотъ имѣетъ 9 саженей длины и 3 саж. ширины; въ немъ всего только двѣ небольшія комнаты, раздѣленныя сѣнями и кухнею. Строили его саардамскіе плотники по образцу домовъ рабочихъ въ Саардамѣ. Срубъ сдѣланъ изъ обтесанныхъ съ обѣихъ сторонъ бревенъ, крыша изъ дощечекъ, въ видѣ черепицы. Первоначально все это было выкрашено подъ кирпичъ въ голландскомъ вкусѣ, надъ домомъ имѣлось украшеніе изъ деревянной мортиры и двухъ пылающихъ бомбъ. Внутри обѣ комнаты были обтянуты бѣлымъ холстомъ, двери и ставни расписаны букетами изъ розъ. Въ комнатѣ направо отъ входа Петръ принималъ сановниковъ и занимался дѣлами; другая служила столовой и спальней. Въ царствованіе Екатерины II домикъ, для предохраненія отъ дѣйствій климата, былъ обнесенъ каменной крытой галлереей; въ такомъ видѣ онъ существуетъ и теперь.

его колыбелью. Петропавловская крѣпость была центромъ зарождающагося поселенія, и первыя постройки примыкали къ ней.

Съ 1712 года, когда назначеніе Петербурга, какъ главной столицы государства, вполнѣ опредѣлилось, началась быстрая и правильная застройка улицъ, площадей и набережныхъ, и приступлено было къ необходимымъ мѣрамъ городского благоустройства. Здѣсь интересно отмѣтить, почему Петръ на берегахъ Невы, среди суровой природы, лѣсовъ и болотъ, рѣшилъ устроить свою резиденцію. Несомнѣнно, что въ рѣшеніи этого вопроса играли роль его пристрастіе отъ природы къ водѣ, судостроенію и мореплаванію, а также впечатлѣнія, которыя на него были произведены видѣннымъ имъ во время путешествія по Европѣ. На югѣ европейскомъ Петръ не былъ и не стремился туда. Его больше привлекала Голландія со своими морскими портами, рѣчными дельтами, каналами, верфями, со своей міровой торговлей, богатствомъ безъ роскоши, трудолюбіемъ, грубоватою общительностью нравовъ и простымъ складомъ жизни. Голландія была для него идеаломъ счастливаго и благоустроеннаго государства. По образцу ея столицы Амстердама онъ думалъ строить и свой „Парадизъ" (такъ называлъ Петръ Петербургъ).

По плану архитектора Леблона, выписаннаго Петромъ для руководительства постройками въ Петербургѣ изъ Парижа, предполагалось центральныя части города разрѣзать на правильные и неправильные четыреугольники продольными и поперечными каналами, расширяющимися при пересѣченіи въ бассейны. Средины четыреугольниковъ должны были занимать площади, обставленныя красивыми зданіями, съ фонтанами и садами въ центрѣ. Планъ этотъ не удалось осуществить въ полной мѣрѣ за недостаткомъ средствъ и рабочихъ рукъ, несмотря на неоднократныя, къ восполненію этого пробѣла, мѣры принудительнаго характера. По всей Россіи, кромѣ Петербурга, воспрещено было на неопредѣленное время возведеніе какихъ бы то ни было каменныхъ построекъ, и всѣ каменщики высылались на берега Невы. Приближеннымъ

къ царю, или вообще зажиточнымъ людямъ раздавались въ Петербургѣ земельные участки съ обязательствомъ строиться въ извѣстныхъ размѣрахъ; такъ дворяне, имѣвшіе отъ 700 до 1000 дворовъ, обязаны были строить каменные дома не менѣе какъ на 10 саженей по фасаду, владѣльцы 500—700 дворовъ строили дома на 8 саженей; владѣльцы 100—300 дворовъ могли ставить мазанки или деревянные дома любыхъ размѣровъ; усиливалось строительство и на счетъ казны для государственныхъ потребностей. Чтобы снабдить городъ камнемъ для замощенія улицъ, вмѣнено было въ обязанность каждому возу, при въѣздѣ въ городъ, имѣть три булыжника, и каждой баркѣ привозить установленное количество камня.

Благодаря всѣмъ такимъ мѣрамъ, Петербургъ успѣшно застраивался и по лѣвому берегу Невы. Возводились дворцы для царя и лицъ царской семьи, дома для приближенныхъ и начальствующихъ лицъ. Кромѣ „Зимняго дома“, на мѣстѣ нынѣшняго Эрмитажа, Петръ выстроилъ еще Лѣтній домъ“, гдѣ теперь Инженерный замокъ. На мѣстѣ нынѣшняго Мраморнаго дворца построенъ былъ „Почтовый дворъ“. Рядомъ дѣлались просѣки въ рощѣ, занимавшей теперешній Царицынъ лугъ, и работали надъ разбивкой сада съ цвѣтникомъ однолѣтнихъ растеній, получившаго по этимъ причинамъ названіе „Лѣтняго“. На Фонтанкѣ, на мѣстѣ нынѣшняго Соляного городка, устроена была „невская верфь“ для мелкихъ рѣчныхъ судовъ, а для подвоза къ ней матеріаловъ прорытъ косой каналъ, превращенный позднѣе въ Косой переулокъ. Такимъ образомъ лѣвый берегъ Невы мало-по-малу застраивался; но распространеніе города въ эту сторону едва только доходило до Фонтанки, получившей свое названіе отъ фонтановъ, устроенныхъ въ Лѣтнемъ саду. Мѣстность за Фонтанкой считалась уже загородной. Здѣсь располагались обширныя дачи и стояли болотистые лѣса. Невскій проспектъ стали прокладывать уже при постройкѣ Александро-Невскаго монастыря; улица эта, сдѣлавшаяся впослѣдствіи главнѣйшею въ столицѣ, представляла въ то время довольно печальный видъ. По обѣимъ сторонамъ ея тянулись канавы, обсаженныя деревьями, за канавами шли разбросанныя строе-

нія, а мѣстами распростирались болотистые луга, пруды и рощи.

Стремясь возможно скорѣе застраивать вновь созданный городъ, Петръ принималъ энергичныя мѣры къ заселенію его. Желающимъ переселиться въ Петербургъ давались всякія льготы: дарили участки земли, выдавали субсидіи на постройки, торговыхъ людей освобождали отъ всякихъ повинностей. Несмотря однако на всѣ эти поощрительныя мѣропріятія, московскіе и провинціальные бояре, а также и купцы, предпочитавшіе старину, неохотно селились въ новой столицѣ, гдѣ приходилось подчинять свою жизнь требованіямъ и вкусамъ царя. Выше мы говорили объ указѣ Петра, которымъ повелѣвалось дворянамъ переѣзжать на житье въ Петербургъ; подобный указъ былъ изданъ царемъ и по отношенію къ купцамъ и ремесленникамъ. Въ 1714 году изъ Москвы велѣно было переселить 300 человѣкъ купцовъ и 300 мастеровыхъ „всѣхъ художествъ“, т.-е. различныхъ видовъ ремесла. Однако, не взирая на всѣ заботы Петра, промышленная жизнь Петербурга была очень слаба, торговые люди шли сюда неохотно и при первомъ удобномъ случаѣ бѣжали отсюда. Бѣглыхъ ловили и вновь водворяли на постылое мѣто. Скоро Петръ самъ убѣдился, что отъ такихъ невольниковъ толку мало, и въ 1719 году велѣлъ купцовъ, которые еще не водворены послѣ бѣгства обратно въ Петербургъ, оставить въ покоѣ. Тогда же позволено было дворянамъ, имѣвшимъ не болѣе 100 дворовъ, выселиться изъ Петербурга, а остальные получили льготу, — право уѣзжать въ свои деревни, но не болѣе, какъ на 5 мѣсяцевъ. Изъ-за границы Петръ приглашалъ преимущественно ремесленниковъ. Не малую часть населенія составляли войска и чиновники переводимыхъ сюда изъ Москвы и вновь создаваемыхъ правительственныхъ учрежденій.

Желая способствовать сближенію между разнообразными слоями населенія новой столицы, Петръ устраивалъ всевозможныя увеселенія для своихъ подданныхъ; между этими увеселеніями на первое мѣсто нужно отнести „ассамблеи“. Установленныя въ 1718 году, онѣ продолжались до конца

царствованія Петра и въ первые годы послѣ его смерти. Петръ въ своемъ указѣ пояснялъ, что ассамблея — „вольное собраніе или съѣздъ, дѣлается не для только забавы, но и для дѣла, ибо тутъ можно другъ друга видѣть, во всякой нуждѣ переговорить, также слышать, гдѣ что дѣлается. При томъ же забава“. Устраивались ассамблеи въ теченіе зимы поочередно въ домахъ вельможъ, при чемъ хозяинъ предоставлялъ гостямъ только помѣщеніе и освѣщеніе, самъ же не обязанъ былъ ни встрѣчать, ни провожать, ни занимать ихъ. Гости собирались съ 4 часовъ дня и оставались до 10 часовъ вечера, проводя время въ разговорахъ, играхъ и танцахъ. Пріѣзжать надо было непремѣнно съ женами и взрослыми дочерьми, такъ какъ царь въ особенности желалъ пріучить русскихъ къ женскому обществу и нарушить старый московскій обычай женской замкнутости. Входъ въ ассамблеи предоставлялся всѣмъ дворянамъ, военнымъ и гражданскимъ чинамъ, знатнымъ купцамъ и старшимъ мастеровымъ людямъ. Иноземцы, отъ состоящихъ при посольствахъ до шкиперовъ и мастеровъ включительно, играли здѣсь выдающуюся роль. Опредѣляя правилами для ассамблей подобный пестрый составъ гостей, Петръ имѣлъ въ виду ограничить кичливость знатныхъ московскихъ бояръ и поставить дѣловыя заслуги и полезный трудъ наравнѣ съ знатностью происхожденія. Самъ онъ первый подавалъ примѣръ доступности, запрещая вставать при своемъ появленіи.

Зимнія общественныя развлеченія ограничивались этими ассамблеями, парадными обѣдами и спектаклями въ театрѣ, построенномъ въ 1720 году на Мойкѣ, близъ Полицейскаго моста. Въ лѣтнее время мѣстомъ публичныхъ увеселеній былъ „Лѣтній садъ“, занимавшій тогда гораздо большее пространство, чѣмъ теперь. Тутъ Петръ давалъ праздники, собиравшіе многочисленную публику. Гуляющимъ предлагалось угощеніе. Съ наступленіемъ сумерекъ зажигалась „огненная потѣха“, т.-е. фейерверкъ. Иногда устраивались катанья на Невѣ. У каждаго изъ петербургскихъ домохозяевъ были свои парусныя и гребныя лодки, на которыхъ въ назначенные дни и часы всѣ должны были выѣзжать на Неву къ крѣпости. Отсутствующіе или

уѣзжавшіе раньше срока наказывались штрафомъ. Царь съ царицею и всѣмъ дворомъ всегда участвовалъ въ этихъ увеселительныхъ прогулкахъ, представлявшихъ великолѣпное зрѣлище, благодаря многочисленности флотиліи и богатому убранству нѣкоторыхъ судовъ.

Такія увеселенія и лично Петру служили отдыхомъ послѣ его неутомимой дѣятельности. Стремясь дѣйствовать на всѣхъ своимъ личнымъ примѣромъ, Петръ былъ первымъ работникомъ въ своей странѣ. Онъ любилъ говорить: „я царь, а у меня мозоли на рукахъ". Дѣйствительно, онъ трудился необычайно, и трудъ его отличался всеобъемлющимъ разнообразіемъ. Вотъ какъ одинъ иностранецъ описываетъ день Петра Великаго: „Государь встаетъ очень рано, такъ что въ три и въ четыре часа присутствуетъ въ тайномъ совѣтѣ, потомъ идетъ на верфь, гдѣ смотритъ за постройкой кораблей и даже самъ работаетъ, зная это мастерство превосходно. Въ девять или десять часовъ занимается токарной работой, въ которой такъ искусенъ, что рѣшительно ни одному художнику не уступитъ. Въ 11 часовъ кушаетъ, но не любитъ прохлаждаться за столомъ; послѣ обѣда, отдохнувъ немного по русскому обычаю, идетъ опять смотрѣть какую-либо постройку или другую работу. Къ вечеру отправляется куда-нибудь въ гости или на ужинъ, откуда однако спѣшитъ возвратиться, чтобы ранѣе лечь въ постель".

Одинъ изъ такихъ трудовыхъ дней художникъ взялъ для картины. Сѣрое петербургское утро; вѣтеръ клонитъ верхушки еще несрубленныхъ около домика Петра Великаго деревьевъ, развѣваетъ парики и мундиры окружающихъ Петра вельможъ, а онъ спокойно стоитъ около своей одноколки, внимательно вчитываясь въ докладъ. На горизонтѣ видны нѣсколько судовъ съ надутыми парусами и постройки на другой сторонѣ Невы, среди которыхъ особенно выдѣляются сооруженія тогдашняго адмиралтейства.

Источники: 1) Божеряновъ Н., Петербургъ; 2) Пылаевъ, старый Петербургъ; 3) Брикнеръ, исторія Петра Великаго; 4) Соловьевъ С. М., исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, томы 14—18; 5) Авсѣенко В., 200 лѣтъ С.-Петербурга, историческій очеркъ, изданіе С.-Петербургской городской Думы.

КЪ ЭТОИ СЕРІИ РЯДЪ ОЧЕРКОВЪ

ИЗЪ ИСТОРІИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Н. Г. Тарасова и А. Ѳ. Гартвига.

Отдѣльные небольшіе очерки предназначены для того, чтобы дополнить тѣмъ, чего не можетъ изобразить картина, и что съ точки зрѣнія составителей желательно было бы выдвинуть на картинѣ. Цѣна очерка **10—15** коп.

Въ дополненіе къ первой коллекціи подъ редакціей

С. И. Гречушкина

10 картинъ

КЪ ЭПИЗОДИЧЕСКОМУ КУРСУ РУССКОЙ ИСТОРІИ,

предназначенныхъ для иллюстраціи элементарнаго курса какъ въ народныхъ школахъ, такъ и въ младшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Первая серія.

1. Проповѣдь христіанства.
2. Въ Золотой ордѣ.
3. Троице-Сергіева Лавра въ XIV в.
4. Походъ Ермака.
5. Смутное время.
6. Патріархъ Никонъ.
7. Въ Петербургѣ при Петрѣ Великомъ.
8. Суворовъ въ Альпахъ.
9. Выступленіе населенія изъ Москвы въ 1812 году.
10. Освобожденіе крестьянъ.

Къ картинамъ — объяснительный текстъ подъ редакціей

С. И. Гречушкина

ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ

въ видѣ отдѣльной брошюры для каждой картины.

Цѣна 30 картинъ по ИСТОРІИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ 20 р., дополнительно къ этой коллекціи 10 картинъ по РУССКОЙ ИСТОРІИ 5 р.

Получать можно въ книжномъ складѣ В. В. ДУМНОВА.

1) Москва, Мясницкая, д. Обидиной.

2) С.-Петербургъ, Большая Конюшенная, № 1.

Цѣна 10 коп.

